

Д. СМИТ

ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ: КАК ДОСТИЧЬ МИРА БЕЗ УНИЖЕНИЯ?

СМИТ Деннис - вице-президент Европейской социологической ассоциации, главный редактор журнала "Current Sociology", профессор университета Логборо (Великобритания).

Необходимость сильного и справедливого мирового управления

Процесс глобализации ведет к сближению людей всего мира. По мере развития мирового сообщества необходимость создания сильного и справедливого мирового управления (governance) становится все более явной. Она должна основываться на принципе согласия и возлагать большую ответственность на национальные государства. По моему мнению, возникновение такой власти неизбежно.

- Предположительно, по крайней мере, в этом столетии это не будет власть какой-либо одной страны, диктующей свою волю остальным государствам. Даже Соединенные Штаты недостаточно сильны, чтобы справиться с этой задачей.
- Такая власть могла бы явиться результатом третьей мировой войны, если, конечно, после ее окончания вообще будет кому и кем править.
- Она могла бы возникнуть путем соглашения национальных правительств о более тесном сотрудничестве, проведении единой политики и совместных программ, призванных удовлетворить нужды населения всего мира.

Наиболее целесообразно остановиться на последней версии, поскольку наступление третьей мировой войны маловероятно. Одна из центральных задач мирового управления должна состоять в обеспечении того, чтобы национальные государства и другие властные организации не подвергали унижению своих граждан. Другой немаловажной задачей проводимой политики должно стать возмещение огромного ущерба и многочисленных унижений, нанесенных в прошлом европейскими колонизаторами, транснациональными корпорациями и многими национальными государствами мира.

Сильное и справедливое глобальное управление - задача трудная, но не невыполнимая. Уже с 1945 г. поднялась волна создания институтов глобального уровня. Значительная часть механизмов глобального управления уже существует. Большая часть этих механизмов была создана в конце 1940-50-х годов под сильным влиянием США, воплощая некоторые весьма позитивные и достойные принципы Декларации ООН о Правах Человека. Нашу систему мирового управления можно и далее развивать, если будет возрождена политическая воля.

Формирование политической воли связано с активностью на уровне гражданского общества. Конечно, национальные лидеры должны учитывать стремления своего народа. В конечном счете, люди хотят мира и процветания. Они также стремятся избежать опасностей и лишений. Поэтому они прислушиваются к мнению таких 'экспертов', как экономисты и синоптики. И если мы будем говорить об этих проблемах прямо и ясно, люди также будут внимать словам социологов.

Нам следует уделить большее внимание природе унижения как внутри одного общества, так и между ними. Нищета и конфликты, порожденные унижениями и ответной реакцией на них, влияют на жизнь людей, по меньшей мере, так же, как экономические циклы и погоды. Мы, социологи, наряду с психологами, историками и другими коллегами, должны возглавить исследования возникновения разрушительных конфликтов как внутри одной страны, так и между национальными государствами. Мы также должны изучить ситуации (и извлечь уроки из них), когда циклы унижения были нарушены и противоречия между группами и нациями сводились на более низкий уровень, как это было в ЮАР в президентство Нельсона Манделы или в Европе после 1945 г.

Эта работа станет особенно эффективной, если наши исследования будут тесно связаны с глобальным диалогом между нами, охватывая континенты Европы, Азии, Африки и Америки. Наш диалог должен проходить вне национальных, культурных, этнических и религиозных, а также дисциплинарных рамок. Обществоведы и "профессионалы знания" вообще - стратегическая группа. Мы должны активно действовать в рамках мирового гражданского общества и выполнять свою работу по названным темам организованнее и четче.

Наш мир превратился в минное поле неразорвавшихся возмущений, которое можно обезвредить лишь при условии тесного взаимодействия национальных государств. Если удастся достигнуть такого тесного взаимодействия, направленного на уничтожение "бомбы унижения", можно будет уверенно сказать, что битва за сильное и справедливое - мировое управление, как минимум, наполовину выиграна. В университетах и научных центрах всего мира есть много важных и престижных программ разрешения конфликтов и их преобразований. Мои предложения связывают исследование конфликтов с тремя вещами: изучение динамики циклов унижения, содействие диалогу профессионалов знания, действия в рамках глобального гражданского общества по созданию климата, благоприятного сильному и справедливому глобальному управлению.

Если этого не произойдет, нас ждет очень неприятное будущее. Чтобы представить его, обратимся к Ближнему Востоку. Цикл унижений и ответной мести крепко держит Израиль и Палестину в своих тисках. Неудивительно, что автор знаменитой работы "Порядочное общество" - израильтянин, Авишай Маргалит. Четко прослеживается его основная мысль: общество только тогда можно назвать порядочным, если оно не унижает никого из своих членов (и, я бы добавил, никого из своих соседей). Сравните это с идеей Б. Мура, что "достойное" общество должно быть "справедливым" в смысле того, что обязанности субъектов или граждан к тем, кто ими правит, должны уравниваться выгодой и услугами, предоставляемым властью на благо всего общества [1; 2, pp. 117-145]. Если это забывают, цена такой забывчивости очень высока, - не только в человеческих жизнях. Нельзя никуда поехать без принудительного прохождения контрольных пунктов. Вы не доверяете каждому незнакомцу, оказываетесь в замкнутой культурной и интеллектуальной нише, чувствуя себя постоянно "в осаде".

Со стороны сложно понять, почему участники конфликта не выработают рациональный компромисс. То же можно сказать и о многих других конфликтах, например, в Сев. Ирландии, между Индией и Пакистаном. Однако многие из нас, наблюдателей со стороны, затем оказываются втянутыми в конфликт. Нам показывают, что это такое. Наша реакция на события будет решающей. Не хочу останавливаться на событиях 11 сентября или на последовавшей за ними "войне терроризму". Слишком мало фактов стали известными, и очень трудно говорить об этих событиях, не причиняя боль многим людям. 11 сентября стал поистине трагичным днем не только из-за числа пострадавших, но и потому, что стал частью вереницы актов унижения, ответов на унижения, мести. Все стороны - участники конфликта считают себя жертвами, имеющими право на ответный удар.

Независимо от правых и виноватых, нынешний глобальный цикл унижений и возмездий может стоить очень дорого. В настоящее время революция в области информационных технологий породила новую "экономику знания" (knowledge economy), основанную на высоком уровне связи. Это новое "сетевое общество" описал Мануэль Кастельс. Его характерной чертой стала возможность в любой момент связаться друг с другом и получить необходимые данные нажатием кнопки. Стали возможны новые формы трудовых коллективов, способные модифицироваться в зависимости от непосредственной задачи и стратегии развития компаний. Такая среда порождает готовность к эксперименту и доверие к нововведениям. Высокоразвитая инфраструктура воздушного сообщения позволяет коллегам по работе, находящимся на разных континентах, при личной встрече обсудить текущие проблемы. Это сближает людей, делает их сотрудничество более эффективным и порождает поток новых идей.

Если новая глобальная "война терроризму" затянется, она ляжет тяжким бременем на экономику знания и на сетевое общество. Люди перестанут путешествовать. Мысль о безопасности станет навязчивой идеей. В обществе будет царить атмосфера напряженности, станет трудно поддерживать новаторское мышление, снизится уровень производительности.

Некоторые войны, напротив, стимулировали мобилизацию общества. Так, в СССР и Британии Вторая Мировая война способствовала объединению усилий граждан на благо отечества. Благоприятное влияние на развитие национальной экономики могут оказывать войны, введущиеся далеко за пределами страны. Но нынешняя "война терроризму", вероятнее всего, *остановит развитие* новой глобальной экономики. США могут полагать, что они в состоянии защитить внутренний рынок от слишком сильных потрясений. Но Америка крупнейшая страна-экспортер. Свыше 11 миллионов работников (пятая часть рабочей силы - по данным Министерства торговли США) живут от вывоза товаров и услуг в остальной мир.

Аспекты унижения [3, 4, 5]

По данному вопросу интересен труд Эвелин Линднер [6]. Теорию унижения пока разрабатывают, но важными здесь представляются работы, приведенные в списке литературы [7, 8,9, 10,11, 12,13]. В первую очередь, под унижением я подразумеваю нечто отличное от стыда. Обычно вы испытываете стыд, сознавая, что не "играли свою роль" должным образом. Однако это можно исправить, по крайней мере, в следующий раз. Нас не унижает, когда мы добровольно принимаем власть над нами, например, профессионального пилота на борту авиалайнера в полете. Унижение же, напротив, - прямая атака на вашу идентичность. Она как бы говорит вам: "роль, которую вы исполняете, не ваша. Она слишком хороша для вас, и мы ее отберем". Унижение подавляет, морально уничтожает, вы чувствуете, что почва уходит у вас из-под ног.

Унижение старо как мир.

- Оно имеет место всякий раз, когда навязываются отсутствовавшие прежде общественные или политические иерархии. Я называю это **завоеванием-унижением (conquest-humiliation)**. Оно имеет место всякий раз, когда феодалы превращают свободных людей в вассалов, когда свободных людей в плену превращают в рабов. Для **завоевания-унижения** характерны ситуации, когда иноземный завоеватель, навязывая себя обществу, добавляет к существующей иерархии новый высший класс. Так было, когда европейцы создавали мировые империи, превращая местных королей и принцев в подданных.
- Унижение происходит, когда на побежденных взваливают новые и новые оскорбления для пресечения назревающего восстания и для напоминания о неполноценности. Я называю это **наращиванием унижения**.
- Унижение имеет место, когда кого-то толкают вниз по иерархической лестнице. Я называю это **унижением**, вызванным **понижением** статуса. Его испытали в

двадцатом веке страны Западной Европы. Америка заставила их отказаться от империй. Они были глубоко оскорблены. Так бывает, когда сильный, но занимающий более низкое положение сосед спасает ваш дом от пожара, а затем подготавливает ваших слуг бежать со всей его обстановкой.

- Унижение происходит и тогда, когда кого-то не просто опускают на ступень ниже по иерархической лестнице, а вообще исключают из группы, и, возможно, убивают. Такое унижение можно назвать **унижением-исключением**. Его испытали кулаки в России и евреи в Европе (о различиях между покорением, насилием, передачей полномочий и унижения через исключение см. [4, p. 541-544]).

Степень подверженности унижениям изменилась с приходом мировой революции прав человека. Ее главная идея в том, что все люди имеют внутреннее ядро достоинства, которое следует уважать. Люди должны иметь свободы и ресурсы для скромной и достойной жизни. Лишение людей вышеперечисленных прав означает отрицание их человеческой природы, исключение их из рода человеческого.

Революция прав человека в своей основе эгалитарна, отрицает идею существования врожденных различий между людьми, наличия абсолютных и непреодолимых различий между ними. Она отвергает все иерархии, за исключением случаев, когда те существуют во благо всего общества. Она требует от любой власти быть "разумной" и "оправданной" [1; 14]. Труднее согласиться с тем, что создание империи это "нормальный" и "приемлемый" путь. Каждый связанный с иерархическим мышлением акт покорения, навязывания, унижения и т.п., по-видимому, грозит нашим правам человека, так как за ним стоят исключение и унижение.

Революция прав человека делает людей чувствительнее ко всем видам унижения. Наделив их внутренним достоинством, она дает жертвам унижения мощную идеологию, оправдывающую их протест. Если они защищают свое внутреннее достоинство, оно предоставляет им укрытие, позволяя оградить свою идентичность от унижений.

Люди реагируют на унижения по-разному.

- Одни испытывают чувство обиды на личность, группу или общество, представляющие ответственными за унижение. Это скорее пассивная реакция, но она чревата последствиями, готовая активизироваться.
- Более активная реакция - противостояние тем, кого потерпевший обвиняет в унижении. В основном принимает форму отрицания и скрытых действий, например, злословие за спиной кого-либо, акты скрытого саботажа.
- Еще более активная реакция выражается в реванше, сведении счетов путем нанесения ответного унижения.
- Наконец, самая агрессивная и радикальная реакция - это разрешение.

Здесь имеют место два психологических шага со стороны униженных: шаг *внутрь*, в себя, в защиту внутреннего достоинства, второй - *наружу*, выход за пределы акта унижения с целью объективного рассмотрения глубоких процессов и структур, вызвавших унижение. Если это удастся достигнуть, человек может отвергнуть идентичность униженной жертвы. Он может отказаться и от мести, разрывая цикл унижений и контр-унижений. Он может попытаться изменить структуры и процессы, ставшие причинами возникновения этого цикла.

Однако это легче сказать, чем сделать. Стратегия разрешения требует совместных действий всех основных сторон, доверия всех ключевых участников цикла унижений. Она может сработать эффективно:

- В самом начале цикла унижений, когда вовлеченные в него стороны, сознавая последствия, хотят избежать их.
- Когда цикл только начался, и все вовлеченные стороны видят, что цена продолжения этого цикла неуклонно растет.
- В случае, когда в результате затяжки цикла все вовлеченные стороны оказываются полностью истощенными.

Один из самых ярких примеров второй ситуации - ЮАР в президентство Нельсона Манделы. К тому времени все знали, что господство апартеида заканчивается. Многие

боялись массового восстания черных южноафриканцев против белых. Став президентом, Мандела убеждал последователей отказаться от возмездия, достиг понимания с ключевыми лидерами белых, установил диалог с белым сообществом через программу поиска истины и примирения.

Пример третьей ситуации - Европейский Союз, начиная с 1950-х годов. В основе его лежало тесное сотрудничество Франции и Германии. С 1860 по 1945 г. эти страны стали пленниками цикла унижений и возмездий. По прошествии четырех с половиной десятилетий с момента основания Европейского Союза можно сказать, что он добился значительного успеха. Он не только сблизил Германию и Францию, но и примирил бывших хозяев и их подданных, например, Великобританию и Ирландию. ЕС нашел пути, благодаря которым такие гордые нации, как Италия, Испания, Португалия и Греция могут получать помощь для развития своих бедных регионов, не теряя при этом достоинства. Европейский Союз установил стандарты и правила, полезные всем гражданам Европы. Конечно, есть и отступления от правил, и коррупция. Но когда они вышли из-под контроля, Европарламент смог заставить Еврокомиссию уйти в отставку, - скорее самокритика, чем силовое унижение.

Успех Европейского Союза зависит от межнациональных усилий, от тысяч активных политиков, дипломатов, экспертов и чиновников. Здесь нет главного доминирующего актора, подобного крестному отцу. ЕС не ощущает потребности возвеличивать какую-то каноническую фигуру. Это широкое движение, не совсем движение самих людей (хотя они в массе приняли ситуацию), но, безусловно, движение профессионалов, иными словами: экспертов, технократов, дипломатов, исследователей и чиновников, приводящих Союз в движение.

Суть европейского движения - глубокое отторжение насилия, что порождает стремление к сотрудничеству и поиску путей реализации сотрудничества. Самое благоприятное, на мой взгляд, что могло бы произойти, - это перенос духа европейского движения на глобальный уровень. Это приведет к более связанной внешней политике Европы (или, можно сказать, политике, направленной к глобальному добрососедству). В. Жискара д'Эстен, председатель комиссии по будущему Европы, предлагал, чтобы какой-нибудь иностранный министр заседал в европейском Совете - рядом с главами правительств и председателем ЕС (См. интервью в газете "Гардиан", 13 сентября 2002 г., С. 13). Наилучший способ излечить, преодолеть наследие унижения в международных отношениях - объединить людей вокруг построения новой идентичности, по-новому сказать "мы", охватывая всех и не унижая чьего-либо достоинства.

Этот процесс начался в Европе. Настало время начать такой же процесс на мировом уровне так, чтобы европейцы, китайцы, американцы и кто бы то ни был еще, стали считаться глобальной личностью или гражданином мира. Я не прославляю Европу. Просто ее конкретный исторический опыт - полезный инструмент достижения более крупных целей: укрепление глобального управления, разоружение национальных государств, достижение мира без унижения.

Однако на этом пути есть два препятствия, которые необходимо учитывать, если мы хотим двигаться к указанной цели. Первое - положение Соединенных Штатов. Второй - проблема городской бедноты на глобальном "Юге". Это два крайне серьезных вызова. Не стану предлагать какое-либо "решение". Предложу способ, который даст возможность каждому из нас участвовать в решении этих проблем.

Положение Соединенных Штатов

В Соединенных Штатах государство вполне знакомо с логикой "европейского" подхода к циклам унижения. Оно сыграло важную роль в содействии тесному сотрудничеству Европейских государств, используя план Маршалла как базу сотрудничества [3, р. 134-147]. Почему не предлагается нечто подобное сейчас на глобальном уровне?

Говоря коротко, Америка чувствует себя уязвимой. 11 сентября выкристаллизовало настроение, подспудно существовавшее и раньше. Если Европа ненавидит мысль о насилии, Америка ненавидит мысль о нарушении порядка. Ее граждане свыклись с мыслью, что они отличаются от граждан остального мира, притом в лучшую сторону. Они видят, что мир их догоняет, и боятся отстать, утратить лидерство.

Соединенные Штаты - жертва собственного успеха. Идея "американского образа жизни" заслужила почти полное мировое одобрение. Все мы хотим походить на людей с рекламных щитов: счастливые, уверенные "обычные" люди, контролирующие свою жизнь и получающие то, чего хотят, обычно благодаря милым безделушкам, облегчающим жизнь. Неудивительно: эта "американская мечта" отвечает желаниям, укорененным в крестьянской традиции всех континентов. Униженный земледелец желает разбогатеть при минимуме усилий. Крестьянские мифы полны фантастических устройств, которые поворотом рычага, натиранием лампы или волшебным словом исполняют все наши желания. Американская техника претворяет эти мифы в жизнь (по этой проблеме интересна дискуссия о корнях радикализма: [15, p. 504ff.; 1; 12]).

Американская мечта - потрясающий успех, самое яркое шоу в городе. Мы все хотим иметь такие безделушки. И пусть некоторые из них сделаны в Японии или Италии, мы все же ассоциируем их со стилем жизни, впервые ставшим доступным массам в Америке. В этом смысле "Все мы теперь американцы".

После 1989 г. характер американской мечты заметно изменился. 75 лет США вели борьбу с двумя врагами. Одним был социализм, предлагавший народам оплаченное обществом благосостояние. Если бы этой модели не было, стало бы правительство США выдвигать программы благосостояния во время и после Нового Курса?

Другим врагом были, европейские империи, разрушению которых США содействовали во время двух мировых войн. Еще в июне 1982 г. в речи об "империи зла" Рональд Рейган призывал к крестовому походу за свободу, который позволил бы нам двигаться к миру, "где все люди, по меньшей мере, свободны в определении своей судьбы". 1989 г. разом убрал обоих врагов. Китай остался мишенью политических выпадов, но возможности его рынка и растущей экономики делают такую политику неразумной. Притягательность американской мечты пошла на убыль. Она потеряла привкус радикализма, политики освобождения. В то же время она возлагает большую тяжесть рисков на индивидов и на семьи. Она пока еще самый лучший товар для продажи, особенно если есть на что покупать. Но насколько легче критиковать, если ты этого желаешь, когда, например, тебя бомбят рекламой товаров и услуг, которые ты никогда не сможешь себе позволить.

Сколько людей ненавидят Америку за то, что они не могут позволить себе то, что американская реклама предлагает всем, богатым и бедным? Сколько людей внутренне согласились бы со словами одного индийского дипломата: "Янки, убирайтесь домой, но возьмите меня с собой!"?

Успех Америки имел парадоксальные последствия. Посмотрите на подход американцев к бизнесу, особенно на их безжалостную конкуренцию, развитие менеджмента как профессии и стремление к технологическим новациям. Эти методы усвоены во всем мире, сначала в Европе, а потом и в Азии. Так называемое японское чудо обязано многим работе американских теоретиков менеджмента, таких как У. Эдвардс Деминг и Джозеф Дюрэн, обладатели наград императора Японии [16].

Во время 1970-80-х гг. американские рабочие и боссы почувствовали, какой вред нанесет промышленности их страны конкуренция японцев. Целеустремленные иностранные промышленники применяли американские подходы эффективнее самих американцев. Азия еще страдает от последствий упадка 1990-х, но это не может длиться вечно. Японская экономика, как и американская после кризиса 1930-х годов, восстановится и станет крепче и энергичнее, чем прежде.

Американизируя мировую экономику, Соединенные Штаты создают себе конкурентов в различных областях. К примеру, они стали пионерами в развитии транснациональных корпораций (ТНК), но в настоящее время утратили здесь лидерство. Если

посмотреть на оборот ста ведущих транснациональных корпораций в 1995 г., можно увидеть, что доля американских ТНК - 30,9% от всех продаж, доля японских ТНК - 35,3%, а европейских - большая часть того, что осталось [17, p. 35].

В сфере военных технологий Соединенные Штаты пока имеют значительное преимущество и делают все, чтобы его закрепить. Вероятно, часть истеблишмента не согласна с тем, что Соединенные Штаты должны оказывать влияние через оказание экономической поддержки. Не боятся ли они, что помощь приведет к возникновению новых конкурентов? Не намерены ли они удерживать преимущество, делая акцент на свой военный потенциал, умения и опыт, диктуя свою волю силой?

Если есть какая-то доля правды в приведенных суждениях, существует опасность неучета интересов и потребностей многих правительств и жителей многих городов, считающих, что миром управляют без серьезного внимания к их нуждам. В этой связи необходимо проанализировать напряженность, неуклонно возрастающую среди городского населения Юга.

Проблема городской бедноты глобального Юга

Богатый Север едва ли осведомлен о глобальной городской бедноте, но ее политическая сила растет. Под влиянием ее целые страны. И в этих странах удовлетворение нужд бедноты в еде, работе, земле, здравоохранении, образовании и уважении - стоит на политической повестке дня.

Бедность - это примерно то, что имеет место в Сьерра-Леоне. Часто она сопровождается высоким уровнем социальной и политической дезорганизации. Но бедность можно также понимать и как отсутствие материальных товаров и услуг, привычных гражданам развитых стран. Оба вида бедности совпадают, но не всегда. Можно иметь хорошую питьевую воду, среднее образование, детей, которые будут здоровы, - и все же чувствовать, что ты лишен того, что имеют другие в Северной Америке, Европе, Австралии, Новой Зеландии и Японии, которые, кажется, не лучше тебя. Молодая мать, борющаяся за выживание в Сьерра-Леоне (Бангладеш, Йемене или Судане), может быть крайне бедной по мировым стандартам, но она может и не иметь времени, энергии думать об этом или что делать в этой связи. Во всяком случае, сочетание природных катастроф, войны, плохого управления и коррупции весьма затрудняют понимание того, как быть. Человек в лучшем материальном положении может быть менее бедным в абсолютных цифрах. Но быть менее бедным значит знать больше о том, чего ты лишен, иметь больше времени и энергии для зависти и протеста, иметь больше возможностей пытаться как-то изменить ситуацию.

Политическое давление снизу увеличивается по мере того, как дети из бедных семей направляются в города в надежде на лучшую жизнь. Городская жизнь позволяет большим количеством людей сконцентрироваться и организовать и сравнить свое положение с положением других [18, 19].

В Китае, к примеру, в 1975 г. только 17,4% населения составляли горожане, только к 2015 г. эта цифра достигнет 49,5% - *изменение соотношения от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$* . В Индонезии сокращение разрыва между жителями города и деревни произойдет примерно за тот же период (от 19,4% до 55,0%) [20]. Если рассмотреть пятьдесят наиболее населенных городов мира [подробно эта тема обсуждена в: 21], можно увидеть, что только три из десяти и девять из пятидесяти крупнейших городов расположены на севере, остальные на юге. Шесть из них в Индии с ее миллиардным населением, двенадцать - в Китае, население которого 1,275 миллиарда.

В этой ситуации имеет место интенсивное давление на правительства с целью удовлетворить нужды городского населения. Как смогут правительства оправдать эти ожидания? Как они смогут предложить что-то похожее на американскую мечту, о которой люди слышат каждый день? Если возникнут общественные беспорядки, станет

ясно, что доверие к правительствам подорвано. Это замедлит процесс развития, призванный удовлетворить потребности людей, а государствам сохранить гордость.

В Китае глубокое отвращение к социальному хаосу помогает поддерживать дисциплину. Но не придет ли момент, когда правители Китая или Индии начнут сомневаться в способности мировой экономики помогать им двигаться к собственной модели современного процветания? Что если война против терроризма выйдет из-под контроля и подорвет мировую экономику? Не испытывают ли страны Юга" искушение выйти из глобальных игр ВТО, МВФ и Всемирного Банка и отвернуться от своих народов? Как я отметил, правительствам рано или поздно придется учитывать мнение населения своих стран. Не разыграют ли тогда правительства карту нанесенных унижений? Не скажут ли они своим народам, что виновны в их нищенском существовании западные страны? Не станут ли они говорить о международном заговоре против них? Не развяжут ли они свою войну против "западного капиталистического террора"?

Потенциал вклада социологии, общественной науки и профессионалов знания

Жизненно важно, чтобы проблемы унижения и циклов унижения незамедлительно были вынесены на повестку дня. Ключевую роль здесь должны сыграть обществоведы, их взаимодействие с коллегами всех стран и континентов. Возможно, будут возражать против этой идеи, говоря: "Допустим, создание сильного и справедливого глобального управления - идея привлекательная, особенно, когда мы все более зависим друг от друга вне национальных границ. Но идея сильной мировой власти натолкнется на противодействие со стороны двух мощных групп. Она не понравится военным, так как их престиж тесно связан с суверенитетом национальных государств. Она не привлечет транснациональные корпорации, поскольку в данный момент они абсолютно свободны от судопроизводства и налогообложения национальных государств. Они будут сопротивляться созданию новой регулятивной сети на глобальном уровне. Более того, у военных и бизнеса близки сферы интересов, им не составит труда найти сочувствующих политиков".

Мой ответ таков: генералы, бизнесмены и политики не менее, а часто и более грамотны, осведомлены, опытни и решительны, чем большинство из нас. Они такие же граждане, большинство из них имеют, или надеются иметь, детей и внуков. Иными словами, сейчас они заинтересованы не только в сохранении своих власти и престижа, но также и в работе по созданию стабильного и безопасного будущего для тех, кто им дорог, включая их самих.

Обществоведы (и другие "профессионалы знания") тесно связаны с властной элитой. Через университеты и научно-исследовательские институты мы даем им идеи, информацию и обученный персонал. И мы сможем иметь сильное влияние, если научимся это использовать. Мы должны вступить в диалог с властной элитой, чтобы от кратковременных интересов переходить к учету интересов средне- и долгосрочных. Повестку дня следует начинать с возможных глобальных процессов, которые вызывают фрагментацию власти и господство динамики унижения во внутренней и международной политике.

Такого рода действия имеют все шансы привести к определенным последствиям. Возможно, власть имущие всерьез воспримут соображения о необходимости большего понимания динамики унижения и многополярной нестабильности, особенно если эти идеи будут представлены многими мыслящими людьми во многих странах. И особенно, если наш план действий услышат до того, как угроза будет "стучаться в нашу дверь". Гораздо лучше делать сейчас работу по интеллектуальному убеждению. Сделаем это раньше, чем нестабильность и конфликт заставят политиков и генералов бо-

яться их за собственную жизнь. Если дойдет до этого, возможно, будет слишком поздно говорить о средне- и долгосрочных интересах. Мы перед глобальным вызовом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Moore B.* Injustice. The social bases of obedience and revolt. L. 1978.
2. *Smith D.* The Chicago School. A liberal critique of capitalism. L. 1988.
3. *Smith D.* Norbert Elias and Modern Social Theory. L. 2000.
4. *Smith D.* Organizations and humiliation: Looking Beyond Elias // *Organization*. 2001. V. 8, № 3, p. 537-560.
5. *Smith D.* The Humiliating power of organization / *A. Van Iterson, T. Newton, W. Mastenbroek, Smith D.* (eds). The Civilized Organization. Amsterdam, 2002.
6. *Lindner E.* Humiliation and Human Rights // *Human Rights Review*. 2001. V. 2, № 3, p. 46-63.
7. *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. N.Y. 1951.
8. *Canetti E.* Crowds and Power. Harmondsworth. 1973.
9. *Garfinkel H.* Conditions of Successful Degradation Ceremonies // *Am. J. of Sociology*. 1956. V. 81. March, p. 420-444.
10. *Goffman E.* Interaction Rituals. Essays on Face-to-Face Behavior. N.Y. 1967.
11. *Klein D.C.* The Humiliation Dynamic: an Overview // *J. of Primary Prevention*. 1991. V. 2. № 2, p. 93-121.
12. *Margalit A.* The Decent Society. Cambridge, Mass. 1996.
13. *ScheffT.* Bloody Revenge. Emotions, Nationalism and War. Boulder, 1994.
14. *SennettR.* Authority. L. 1980.
15. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Harmondsworth. 1967.
16. *Landsberg P.* 'In the Beginning There were Deming and Juran' // *J. for Quality and Participation*. 1999. Nov.-Dec.
17. *Smith D.* Zygmunt Bauman - Prophet of Postmodernity. Cambridge. 1999.
18. *Runciman W.* Relative Deprivation and Social Justice. L. 1966.
19. *Smith D.* The Rise of Historical Sociology. Cambridge. 1991.
20. Human Development report. 177, 178.
21. *Nye J.S.* The Paradox of American Power. Oxford. 2002.

Перевод *Н.В. ПОМАНОВСКОГО*